

Речеведческий аспект теории языка

МАРГАРИТА Н. КОЖИНА
(Пермь)

Со времени обоснования Ф. де-Соссюром идеи о необходимости различения языка и речи и признания именно системы языка важнейшим предметом лингвистики, последняя, как известно, на протяжении XX в. (вплоть до 60-х гг.) развивалась под флагом структурализма, исследуя язык как специфическую систему. Однако уже с конца 20-х гг. и далее в 40 – 50-х гг. отдельными учеными высказываются мнения о нежелательности ограничения предмета лингвистики лишь статичной системой (строем) языка без выхода в аспекты речи, речевой деятельности и общения.

Почти одновременно в разных странах лингвисты обращаются к изучению проблем использования (употребления) языка говорящими, динамики языка в актах речевой деятельности и общения (М.М. Бахтин, Г.О. Винокур, Л.П. Якубинский, Л. Витгенштейн, Ч.У. Моррис, Г.П. Грайс, Д.Х. Хаймз, В. Лабов, Р. Шенк, В. Ингве, представители „Пражского лингвистического кружка” и др.). Эта тенденция начинает нарастать с середины 60-х гг. нашего столетия, но общепризнанным указанное мнение становится лишь в последние годы.

Вспомним ставшую крылатой фразу Г.О. Винокура „Язык вообще есть только тогда, когда он употребляется” (1941), теорию „языковых игр” Л. Витгенштейна (1953), концепцию М.М. Бахтина о речевых жанрах и высказывании как явлениях речевого общения, данных человеку вместе с единицами языка (1929, 1953): „речевые жанры приходят в человеческое сознание вместе с языком. Научиться говорить значит научиться строить высказывания”. Мы говорим высказываниями, а не отдельными словами и предложениями” (Бахтин 1979: 257); „использование языка осуществ-

вляется в форме единичных высказываний” (237); напомним о сетованиях ученого по поводу „игнорирования форм речевого общения из-за нечеткости употребления термина *речь*“ (248).

Приведем высказывания и других лингвистов – Р. Шенк: „Для меня теория языка *per se* – пустая идея... Теория, ориентированная на язык и только на язык, не способна объяснить процессов коммуникации. Поскольку же коммуникация составляет сердцевину языка, такая теория, имеющая вид только формального аппарата, ничего не объясняет” (Цит. по: Слюсарева 1963: 36); В. Ингве: „Мы хотим знать, как люди используют язык, чтобы общаться, и, когда мы соединим человека и процесс общения и поставим их в центр нашего внимания, мы тем самым одновременно гуманизируем и социологизируем нашу науку и спасем ее от бездушного ... изучения форм и структуры языка” (Цит. по: Звегинцев 1982: 254).

Таким образом, в конце 70-х гг. и совсем явно в 80-е годы происходит, как говорят, переориентация лингвистики и смена ее парадигмы со структурной и статичной на функционально-коммуникативную и динамическую. При этом понятия *языка* и *речи* либо различаются терминологически, либо это не считается обязательным. Процесс этот естественно сопровождался появлением целого ряда смежных с „чистой” лингвистикой дисциплин – психолингвистики, социолингвистики, лингвистики текста, теории речевых актов, коммуникативно-функциональной лингвистики, прагматики и других, – поскольку, как говорил еще в свое время Ф. Соссюр, „изучать явления речи... значит распахивать двери перед целым рядом наук” (1933: 34), а также: „Деятельность говорящего субъекта должна изучаться в целой совокупности дисциплин” (42).

Указанная переакцентировка лингвистических исследований вполне закономерна при учете того, что изучение системы языка оказалось достаточно полным, а познание лишь статики языка (его строя) не дает исчерпывающего представления об исследуемом объекте в целом, оно односторонне (вспомним требование Аристотеля изучать всякий объект с двух сторон – структурной и функциональной, тем самым статичной и динамичной); тем более о таком абстрактном объекте, как язык, если рассматривать его вне реального функционирования в процессах речевой деятельности и общения. И здесь открылось огромное, неисчерпаемое поле деятельности для исследователей.

Конечно, главным предметом изучения остается язык, его система (в том числе и в функциональном аспекте, представленном, например, в трудах по

функциональной грамматике¹). Однако для лингвиста представляет большой интерес изучение многостороннего комплекса проблем использования языка, тем более, что „факт речи всегда предшествует языку” (Соссюр)². Язык развивается в процессе живой речевой деятельности и на ее основе; кроме того, не только теоретический, но и практический интерес представляет аспект употребления языка, использования его говорящими в своей деятельности и общении. При этом естественно на передний план выступают коммуниканты, их речевые акты и вся сопутствующая прагматическая аура. Антропоцентризм, говорящая (языковая) личность закономерно³ становятся популярными объектами лингвистики (см. Ю.Н. Караулов 1987 и мн. др. работы).

Как известно, в последние два десятилетия и за рубежом, и в российских изданиях появляется большое количество публикаций, рассматривающих язык под углом зрения речевой деятельности и антропоцентризма. Как сказано, это процесс закономерный для нашей науки. Однако при этом встает вопрос: стоит ли, целесообразно ли при этом стремиться к различению (хотя бы терминологическому) собственно языковедческих и речеведческих исследований (как это вытекает из тезиса Ф. Соссюра) или же нет серьезных оснований для различения этих аспектов (направлений, дисциплин)?⁴ Последнее достаточно распространено в новейшей

- 1 Заметим, что мы вслед за В.А. Аврориным различаем два значения у слова “функция” (функционирование, функциональный): 1) как явление внутриязыковое (функция, функционирование языковой формы, единицы в вербальном контексте и 2) социолингвистическое (функционирование языка в целом во внешней среде, в широком социокультурном контексте). Наши работы (в том числе данная статья) осуществляются во втором аспекте; труды по функциональной грамматике, например А.В. Бондарко (1984), реализуют первый аспект.
- 2 Напомним и другие в этом плане высказывания великого ученого: “Язык – это клад, практикою речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу” (38), “язык одновременно и орудие и продукт речи” (42); “не раз мы будем черпать из области изучения речи” (43), поскольку “явления речи обуславливают эволюцию языка” (42). Разрядка наша. – *М.К.*
- 3 Закономерно, поскольку, говоря словами М. Бахтина, “Все многообразие человеческой деятельности связано с использованием языка” (237), “само бытие человека есть глубочайшее общение. Быть значит общаться”, поэтому “Диалогичность – это высшая форма социальности” (300).
- 4 Естественно, что собственно структурно-системный и функционально-коммуникативный, речеведческий аспекты в конечном счете должны составить единство (как два аспекта, изучающих две стороны исследуемого объекта (в пределах одной науки – лингвистики – анализа языка в широком смысле слова). Когда же речь идет о переориентации исследований и смене парадигмы, это нельзя понимать буквально и иметь в виду лишь переакцентировку внимания.

лингвистической литературе, однако, думается, продуктивнее в исследовательской практике разделять указанные области исследований (хотя бы и под одной „крышей“) и стремиться к более последовательному их терминологическому оформлению.

О конкретных примерах этого скажем позже, а сейчас напомним, что Ф. де-Соссюр, стремясь прежде всего найти именно собственную специфику, уникальность языка (о чем он многократно говорит не только в „Курсе“, но и в своих „Заметках“⁵), тем не менее, как известно, предполагает изучение и речи как второго аспекта исследования речевой деятельности. Наряду с лингвистикой языка он называет лингвистику речи (Цит. по: Соссюр 1933: 41), говорит о „разумности изучения речевой деятельности“, правда, „начиная именно с категорий языка“ (36) – (Выделено нами. – *М.К.*), замечая, что „оба предмета изучения [язык и речь – *М.К.*] тесно между собой связаны и друг друга взаимно предполагают“ (42). Говоря о различении языка и речи, как и аспектов их изучения, Соссюр, признавая возможность и необходимость изучения речи (как второго объекта лингвистики), тем не менее настаивает на **раздельности** их исследования: „Было бы нелепо объединять под одним углом зрения и язык и речь... Надо избрать одну из двух дорог, следовать по которым одновременно не представляется возможным; надо отдельно идти по каждой из них“ (43). Этот тезис Соссюра особенно значим в аспекте нашей статьи, как и следующий: „Можно, в крайнем случае, сохранить название лингвистики за обеими этими дисциплинами и говорить о лингвистике речи“, наряду с лингвистикой языка (43).

Для современной лингвистики становятся все более актуальными последние из приведенных высказываний великого швейцарца, в частности те, что касаются лингвистики речи, поскольку, наконец, пришло время для ее специального изучения. И хотя ученый отмечал, что „совокупность речевой деятельности в целом непознаваема“ (43), однако комплексу дисциплин это, думается, все же под силу. Таким образом, в современной лингвистике целесообразно выделять два достаточно

5 См.: „Понятие языка (langue) не совпадает с понятием речевой деятельности вообще (langage), язык – только определенная часть, правда – важнейшая, речевой деятельности“ (34); “В то время как речевая деятельность имеет разнородный характер, язык... явление... однородное: это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа” (39); “Задача лингвиста сводится к выяснению того, что выделяет язык как особую систему в совокупности семиологических явлений” (40). – В цитатах разрядка наша. – *М.К.*

самостоятельных аспекта (направления) исследований: один из них речеведческий, или речеведение, наряду с традиционным языкознанием (языковедением), которые взаимодополняют друг друга.

Идея эта восходит в отечественной лингвистике к работам М.М. Бахтина, Л.П. Якубинского, Л.В. Щербы, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой и др. Однако лишь в последние годы пришло время для ее реализации в лингвистической действительности.

Сам термин-понятие „речеведение” как лингвистика речи постепенно входит в обиход. См. работу Т.В. Шмелевой (1996) и особенно ее же статью *Речеведение: в поисках теории* (1997), а также более ранние работы по типологии речи А.А. Холодовича (1967) и Г.Г. Почепцова мл. (1975). Еще ранее, в книге О.С. Ахмановой, Л.Н. Натан, А.И. Полторацкого, В.И. Фатющенко (1966) привлекается внимание к намечающемуся функциональному подходу в языкознании (речь идет о зарубежной социолингвистике) и уже говорится о „переориентации исследований” со структурных на функциональные.

Специально же обоснованию речеведения как особого направления языкознания (с частичной практической реализацией этого тезиса – в области функциональной стилистики – и употреблением указанного термина) были посвящены монографии М.Н. Кожиной (1966, 1968) и др.; в предисловии к одной из них так и написано: „Пафос книги – настоятельное требование и посильное обоснование собственно речеведческого изучения объекта в лингвистике” (1968: 3). Однако процесс формирования речеведения, – точнее, осознание целесообразности объединения исследований речи (как использования языка в речи) и целенаправленного комплекса изучения последней в лингвистике шел медленно, хотя и неуклонно.

Пожалуй, наиболее динамично этот процесс развивался в русле функциональной стилистики (а также отчасти – коллоквиалистики), ср.: „Стилистика раньше других разделов языкознания... обратилась к исследованию динамического состояния языковой системы и к проблемам анализа целостного текста. И это не случайно: в центре ее внимания всегда находились закономерности выбора средств, способных удовлетворить той или иной социально-ролевой или эмоционально окрашенной интенции говорящего именно как субъекта речи. Именно в стилистических штудиях был сохранен интерес к деятельностному проявлению языковой компетенции, к речевой деятельности (langage), в то время как в

лингвистике основное внимание было уделено языку (*langue*)” (Телия, 1991: 9-10)⁶.

Современная лингвистическая действительность ярко свидетельствует о явной переориентации исследователей на речеведческий аспект. И не только тем, что развивается ряд смежных дисциплин, фокусирующих свое внимание на говорящем человеке, речевых актах, прагматике речевого общения и т.п., но и тем, что традиционно узкоязыковая тематика пронизывается именно речеведческим аспектом (хотя далеко не всегда это отмечается терминологически). В русистике можно назвать множество солидных и интересных публикаций по сути речеведческого плана, не случайно „пронизанных” и антропоцентризмом: *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)* (М., 1996), *Русский язык* (Red. n. E. Sirjaev), Орле, 1997, *Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование* (М., 1988), *Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности* (М., 1991), *Культура парламентской речи* (М., 1994), Винокур Т.Г. *Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения* (М., 1993), *Культура русской речи и эффективность общения* (М., 1996), Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность* (М., 1987), Костомаров В.Г. *Языковой вкус эпохи* (М., 1994). Купина Н.А. *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции* (Екатеринбург, 1995); кроме того, многочисленные публикации по живой разговорной речи, в том числе сборники и ежегодники типа журналов, содержащие, помимо прочего, богатую литературу по речевым жанрам: *Русская разговорная речь как явление городской культуры* (Екатеринбург, 1996); *Журналистика и культура русской речи*. Вып. 1 (МГУ, 1996), Вып. 2, 3, 4 (1997); *Теоретические и прикладные аспекты речевого общения*. Вып. 1-4 (Красноярск – Ачинск, 1997), *Вопросы стилистики: человек и язык* (Саратов, 1996), *Жанры речи* (Саратов, 1997); *Проблемы развития речевой культуры педагога* (Томск, 1997), *Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации* (Екатеринбург, 1997) и др.

Характерное для этих работ внимание к человеческому фактору, аспекту употребления языка и фактам живой речи сочетается нередко с эволюционным „планом” исследований, к стати все более нарастающим в русистике. Это происходит не только в связи с социально-экономическими, политическими и идеологическими изменениями в обществе, но и по причинам науковедческого характера, поскольку изучение изменений

6 См. Аналогичные мнения в сб. ИНИОН 1988, 1989.

языка (тем более быстрых, почти революционных, на небольшом историческом отрезке времени) невозможно без учета речи. Вспомним того же Ф. Соссюра: „явлениями речи обусловлена эволюция языка” (42). Не случайно в такого рода исследованиях речь идет обычно не столько (или не только) собственно о системе языка (хотя именно последнее слово берется в заглавие работы), сколько о явлениях речевых. Кстати, далеко не всегда можно с точностью, гарантированно утверждать, стал ли (в процессе эволюции) тот или иной факт изменений действительно языковым (твердо вошедшим в его систему) или остается на уровне употребления (особенно в тех случаях, когда имеется в виду появление новаций в каких-либо отдельных сферах функционирования языка (например, в публицистике). Особенно если при этом учитывать, что „язык есть система, подчиняющаяся своему собственному порядку“ и что „внутренним является все то, что в какой-либо степени видоизменяет систему” (Соссюр, 45. Разрядка наша. – М.К.). Сам характер рассматриваемых вопросов и материал анализа свидетельствуют скорее о речеведческом, чем сугубо языковедческом аспекте (если, конечно, различать их), хотя он обычно не акцентируется, покрываясь общей „шапкой” языка. Между тем, помимо собственно системно-языковых фактов и явлений, изменений в самой системе языка авторами рассматриваются такие вопросы, как особенности функционирования языка в разных сферах и жанрах речевой деятельности и общения, например, вопросы о стилистических изменениях в языке газеты, о изменениях в жанре интервью и других жанрах (как и вообще проблематика речевых жанров), проявления экспрессивности как выражение субъективных интенций говорящего и др.

Все эти аспекты именно речеведческие, что и отмечается в ряде случаев: „реальное функционирование языка есть использование его в коммуникативной деятельности” (Телия, 1991: 36), в связи с чем в круг задач включается учет „человеческого фактора”, рассматриваются вопросы с точки зрения отношений субъекта к адресату, проблема выбора языковых средств, поскольку „природа экспрессивной окраски не может быть раскрыта без коммуникативно-функциональной аспектуальности знака, так как последняя вводит в описание фактор субъекта” (там же, 17). Тот же автор, рассматривая диалектику языковой природы и речевой реализации экспрессивности, приходит к выводу о том, что при изучении этих двух сторон (составляющих) экспрессивности „ее функции и значения необходимо разграничивать. Задача изучения – это анализ того, как способ,

используемый говорящим, порождает экспрессивный эффект его речи” (11).

О нежелательности игнорирования речеведческого (пользуясь нашим термином) аспекта лингвистических исследований и в то же время его актуальности и эффективности говорил и М.М. Бахтин. Ученый отмечает, что игнорирование феномена общения происходит из-за нечеткого употребления термина *речь*. „Неопределенное слово *речь*, могущее обозначать и язык, и процесс речи, т. е. говорение, и отдельное высказывание и целый... ряд высказываний, и определенный жанр... до сих пор не превращено лингвистами в строго ограниченный... термин” (1979: 249). Между тем „мы говорим высказываниями” (257). Изучение же „высказывания как *реальной единицы речевого общения* позволит правильное понять и природу единиц языка (как системы) – слова и предложения” (245).

Речеведческое изучение языка обусловлено и, как выразился М. Бахтин, „трением слова о внесловную среду и трением слова о другое слово (других людей)” (399), т.е. социальными факторами и „человеческим фактором”, ибо „никакие человеческие события не разворачиваются и не разрешаются в пределах одного сознания. Сознание по существу множественно” (301), природа сознания диалогична, „диалогичность есть высшая форма социальности... Само бытие человека... есть глубочайшее общение”. „Быть – значит общаться” (300), „значит участвовать в диалоге” (307). Отсюда понимание диалога как **взаимодействия**.

Если понятие языка как системы при всей его сложности достаточно разработано, то изучение речи – феномена намного более сложного в силу своей многогранности (по Соссюру, многоформенности, разносистемности) и тем самым более трудоемкого для анализа – осуществляется медленнее и в итоге менее разработано.

Конечно, речь исследуется в целом ряде лингвистических (и не только лингвистических) дисциплин, прежде всего в социо- и психолингвистике, а также – более специально – в трудах по внутренней и детской речи; кроме того, в теории речевых актов, прагматике, лингвистике текста, функциональной стилистике и некоторых других. Но, во-первых, в ряде дисциплин, например в социолингвистике, лингвистике текста, в фокусе интереса ученых, пожалуй, преобладают проблемы системно-языковые (описание собственно подсистем языка в аспекте их структуры, языкового строя; единиц текста). Функциональный же, в том числе речеведческий аспект в социолингвистике развивается сравнительно недавно (см. об этом:

Швейцер 1991). Также и в лингвистике текста (точнее, в грамматике текста) изначально и до настоящего времени превалирует грамматический, а следовательно, системно-строевой аспект, а не функциональный, тем более собственно речеведческий. Напомним в связи с этим мнение В.В. Одинцова, который отмечал, что „собственно грамматическая структура текста”, как понятие лингвистики текста, „принципиально отличается” от соответствующего понятия в стилистике текста (заметим, которую автор по существу понимал как дисциплину речеведческого плана), исследующей „поиски оптимальных форм передачи мысли говорящим” при выборе наиболее подходящих языковых средств, соответствующих „намерению говорящего, целевой установке..., ситуации общения, характеру взаимоотношений адресата и адресанта” (Одинцов 1980: 49 – 50).

И все же в истории языкознания уже немало сделано для возможного оформления речеведения, или лингвистики речи, как науки (одного из ее аспектов), специально изучающей явления речевой деятельности и общения. Пока рано говорить не только о создании какой-то стройной системы взглядов, наличии единой теории. Однако попытки определения и систематизации понятий речеведения, поиски критерия этой систематизации, предварительные наброски частных отделов этого аспекта теории языка все же имеются (см. указ. выше литературу). Попытаемся в процессе поисков схематического каркаса речеведения и определения его понятийного аппарата высказать, хотя бы на уровне ключевых слов, наши предварительные соображения (естественно, не лишенные дискуссионности), а также наметить объединяющий эти понятия принцип, координату как основу для их систематизации.

Заметим, что другие дисциплины исследуют в речи как объекте изучения лишь какие-то отдельные ее аспекты, не преследуя цели многоаспектного и более или менее всеобъемлющего, но целостного ее изучения. Поэтому, когда мы говорим о речеведении как особом аспекте (одном из двух) изучения языка, вряд ли можно представлять его как совокупность имеющихся наук, связанных с исследованием речи, объединением их под одной „крышей”. Речь идет именно о специальном и целенаправленном изучении речевого аспекта языка, направленного на максимально полное выявление и изучение речевой специфики в соотношении со спецификой системно-языковой (строения языка) в общем объекте лингвистики. Подобного рода исследование, очевидно, должно быть более эффективным

в деле целостного описания речи и систематизации проблематики с ней связанной.

При этом ни в коей мере речь не отрывается от языка, поскольку имеется в виду в конечном счете двуаспектный объект (и двуаспектное его изучение) – язык в широком смысле слова (соответствующий соссюрговскому *langage* – языковой деятельности⁷), представляющий собою единство системы и ее функционирования в речевой деятельности и общении социума.

Как справедливо заметил А.Е. Кибрик, „Путь познания языка через речь приводил часто или к неразличению языка и речи, или, напротив, к игнорированию самой речи (речевой деятельности) и ее фундаментального влияния на собственно язык. Между тем понимание принципиального противоречия между конечностью языка (как устройства, механизма, системы) и его бесконечным использованием в бесконечно разнообразных речевых ситуациях имеет далеко идущие последствия для правильного понимания природы языка” (ЛЭС 1990: 605). – Выделено нами. – М.К. Поскольку язык в узком смысле слова – „система языка, лежащая в основе всех проявлений речевой деятельности”, которая, однако, „не дана нам в непосредственном наблюдении, реализуется исключительно в речи” (ЛЭС 1990: 253) – подвергся изучению и описанию в своей специфике, то естественно выявить, изучить и описать таковую применительно к речи (вовсе не отрывая речь от языка, поскольку посредством использования последнего в речевой деятельности и актуализируется предназначение первого – реализация его коммуникативной функции в процессе человеческого общения. Таким образом, язык в широком смысле предстает как двуаспектный феномен – как функционирующая в речи система знаков.

Начнем с анализа самих определений системы языка и речи, выделяя ключевые слова каждого из аспектов языка. Удобно при этом опереться на данные ЛЭС (1990), поскольку здесь представлены общепринятые, наиболее сущностные, достаточно полные и при этом лаконичные (что для нас важно!) характеристики указанных понятий (используем цитацию – с купюрами – и сокращенный пересказ текста, ради краткости).

Язык, как „основной объект изучения языкознания (604) (разрядка в цитатах наша. – М.К.) – заметим, что тем самым, очевидно, речевой, функциональный аспект переводится на второй, второстепенный план, что вряд ли правомерно – „обладает внутренней структурой” (т. е. собственно

7 О вариантах перевода соссюрговского термина см. Соссюр 1990: 18.

язык) „как устройством, механизмом, системой“ (605). Семиотическая сущность языка как системы знаков состоит в установлении соответствий между универсумом значений и универсумом звучаний или, иначе, означающей стороной языковых единиц и означаемой. Система языка как нечто абстрактное, потенциальное реализуется в речи, в которой актуализируется лишь потенциально присущая языковой системе коммуникативная функция языка. Существенно, что каждый компонент (единица языка) „находится в отношениях и связях друг с другом“, „каждый компонент системы существует не изолированно, а лишь в противопоставлении другим компонентам системы языка“ (452). Поэтому он рассматривается „исходя из его роли в составе системы, т. е. в свете его значимости“ (ср. значимость мн.ч. в современном русском языке при отсутствии дв. ч. и словенском, где дв. ч. сохранилось) (452). Забегая вперед, подчеркнем, что это один из наиболее существенных принципов языковой системы, раскрывающий ее специфику, по сравнению с речевой системностью. „Современное представление о системе языка включает ряд взаимосвязанных понятий – уровни языка, единицы языка, парадигматические и синтагматические отношения, знаковость, форма и функция, структура и субстанция, внешние и внутренние связи“ (соответственно внешняя и внутренняя лингвистика – *М.К.*), синхрония и диахрония, регулярность и нерегулярность и др.” (452).

Ключевыми словами-понятиями аспекта речи являются (почти полностью) совершенно иные, которые и располагаются обычно по принципу их полярности.

Прежде всего (опять-таки беря за основу изложения данные ЛЭС – статью „речь“ Н.Д. Арутюновой) *речь* – это „конкретное говорение, протекающее во времени и облаченное в звуковую или письменную форму“ (414); это „как сам процесс говорения (речевая деятельность), так и его результат (речевые произведения)“.

Противопоставляя далее черты речи языку, мы имеем в виду языковую систему. Акцентируем положения автора о том, что „речь и язык (код) образуют единый феномен человеческого языка“; „Р. есть воплощенная реализация языка (кода), который обнаруживает себя в Р. и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение“ (414). Итак, распределяя характеристики по двум столбцам: слева – речи, справа – системы языка, выделим ключевые слова каждого аспекта.

„Язык	– это орудие (средство) общения”.
„Речь есть производимый этим	орудием вид общения”.
„Речь вводит язык в контекст	употребления”.

„Речь конкретна и неповторима	в противоположность абстрактности и воспроизводимости языка”.
„Речь актуальна,	язык же потенциален”.
„Речь бесконечна,	система языка конечна”.
„Речь субстанциональна,	а язык формален”.
„Речь активна и динамична,	система языка в большей мере пассивна и статична”.
„Речь подвижна,	язык относительно стабилен”.
„Речь линейна,	язык же имеет уровневую организацию”.
„Речь стремится к объединению слов в речевом потоке,	задача языка – сохранить их раздельность”.
„Речь есть последовательность слов,	язык вносит в нее иерархические отношения”.
„Речь субъективна, являясь видом свободной творческой деятельности индивида”,	„Язык... объективен по отношению к говорящим”.
„Речь произвольна,	язык обязателен (императивен)”.
„Речь преднамеренна и обращена к определенной цели”,	„в отличие от нецеленаправленности языка”.
„Речь контекстно и ситуативно обусловлена”,	„язык независим от обстановки общения”.
„Речь вариативна,	язык же... инвариантен”.
„Речь отнесена к объектам действительности и может рассматриваться с точки зрения своей истинности или ложности,	к языку истинностная оценка неприменима” (414).

Но, кроме того, речь обладает свойствами, непротивопоставляемыми непосредственно чертам языка, а относящимися к способу протекания речевой деятельности. Это темп, продолжительность и т.д. Речь может характеризоваться через психологическое состояние говорящего, его коммуникативные цели, отношение к собеседнику; может быть искренней / неискренней. „К речи применимы эстетические (стилистические) оценки и этические (нормативные) оценки” (414). „В речи проявляется индивидуальный характер говорящего, а речевое поведение составляет существенную характеристику личности” (414). „Субъективность речи проявляется в том, что Р. имеет автора”, который для передачи своих мыслей и чувств **выбирает** нужные слова (414). **Говорящий**...отдает предпочтение тому или иному **стилю общения и сообщения** (фамильярному, почтительному и т. д.).

Речь может быть представлена различными ее типами, в том числе функциональными стилями. Она тесно связана с **познавательной и мыслительной деятельностью человека** (о речевом мышлении и речемыслетельном процессе см. С.Д. Кацнельсон, С.Л. Рубинштейн и др.). Речь используется в разных **социальных сферах** (в **сферах общения**), выполняя при этом разные функции. „Варьируясь, она приспособливается к **задачам и условиям** своего **функционирования**, образуя относительно самостоятельные системы – функциональные и индивидуальные стили, которые характеризуются модификациями самой системы” (414), степенью **информативности, спонтанности или обработанности, клишированности**, наличием **образности, косвенных смыслов** и т. д. Речь рассчитана на понимание, чему служит (помимо прочего) общий для собеседников, „наиндивидуальный язык”.

При помощи речи „происходит общение между людьми, следующее определенным социальным конвенциям. Общение создает **коммуникативный контекст**, в котором реализуются речевые акты” (414). В процессе общения ставятся говорящими различные задачи: **информирования, воздействия, выражения эмоций** (экспрессивности), регулирования межличностных отношений, игры и др. Эти аспекты речи „могут обособляться, создавая самостоятельные формы общения – речевые жанры” (РЖ), которые различаются „не только по целям, но и по распределению ролей и коммуникативных **интересов**“ (**интенций**) **говорящих, речевым тактикам, условиям** (правилам) **успешности** речевого общения и некоторым другим признакам.

И, наконец, общее итоговое (а скорее исходное, отправное) заключение: „Речь как один из видов **социальной активности человека** переплетается с другими формами **деятельности**“ (415).

В этой схематично-суммативной характеристике речи (в сравнении с признаками языковой системы) нами выделены (в разделах, относящихся к речи) слова и словосочетания, которые и являются основными **ключевыми терминами-понятиями речеведения**, его понятийным аппаратом (ср. иной набор ключевых слов, определяющих понятие системы языка). Далее требуется их систематизация применительно к базовому основанию, чем мы и займемся чуть позже, сделав некоторые уточнения, добавления и оговорки к вышесказанному.

Помимо понимания речи как конкретного говорения индивида, может быть и другой, обобщенный аспект, связанный, в частности, с типологией речи. На этом, более абстрактном уровне анализа, речь, особенно речевая

деятельности, предстает как неконечная совокупность всех процессов говорения, речевой деятельности, рассматриваемых с точки зрения ее специфических черт. При этом речь представляется не только индивидуальным феноменом, но и социальным: так как и сам говорящий представляет собою единство индивидуального и социального. Иначе говоря, речь, речевая деятельность не только индивидуальна, но и социальна.

Социальность речевой деятельности проявляется в том, что именно в ней (через нее, благодаря речи) актуализируется коммуникативная функция языка, превращаясь из потенциальной в реальную.

Речевая деятельность как один из видов человеческой деятельности (с сохранением всех характеристик деятельности вообще – замысла, интенций, цели и т. д.) бессмысленна вне коллектива (это речь для другого). Тем самым она реализует речевое общение, при котором необходимы хотя бы двое говорящих (либо в качестве второго – Я²), т. е. диалог.

В этой связи напомним один из главных постулатов при рассмотрении явлений речевой деятельности и диалога. У М. Бахтина и у Л.П. Якубинского диалог понимается как **взаимодействие коммуникантов** (кстати, в отличие от бихевиористского: внешние стимул-реакция, **воздействие** в сиюминутных речевых актах). Социальность речи зиждется как раз на этом фундаментальном признаке (и понимании) речевой деятельности и „диалогичности как особой формы **взаимодействия**” (Бахтин 1979: 297). – Выделено нами. – М.К. Ученый неоднократно проводит мысль о „диалогической природе общественной жизни” (313) и, между прочим, критикует известную в лингвистических работах схему: „говорящий – слушающий” с пассивным слушающим, которая, по мнению автора, „не соответствует реальному общению” из-за неучета активной роли адресата (247 – 248). Эти положения М. Бахтина особенно актуальны в наше время.

Итак, одна из составляющих объекта речеведения – речевое взаимодействие говорящих в процессе речевой деятельности (обычно сопровождающей другие виды деятельности), тем самым речевое общение. А поскольку субъектами речевого общения, коммуникантами, выступают люди определенного социума, то центральной фигурой, объектом речеведения выступает говорящий человек, „взятый” в процессе речевой деятельности и общения как представитель социума, точнее – речевая деятельность и общение человека как представителя социума.

Другое существенное добавление к комплексу ключевых слов речеведения связано с акцентированием различия понятий „речевой системности” и „системы языковой”. Как известно и как отмечалось выше, система языка конечна, построена по уровневому принципу, каждая единица которой (и которого) обладает значимостью, ценностью (см. соссюрское *valeur*) как член системы в противопоставлении с другими единицами; это – абстрактное, статичное (достаточно стабильное) устройство. В *Заметках* Соссюра прослеживаются упорные поиски специфики системы языка, в том числе и через разные аналогии (особенно известная – с шахматами) и заключение, что „язык совершенно ни с чем не сравним, даже приблизительно” (Соссюр 1990: 90). И эти поиски отнюдь не случайны. То же должно относиться и к речи.

В процессе функционирования языка в речи во внешней среде, в речевой деятельности и общении человека происходит не только реализация системы языка, но и формирование иного рода системности – речевой. Это не просто модификация системы языка, в рамках той же системы, но иное построение – на принципиально другой основе⁸. Здесь определяющим является не ценность, значимость единицы в уровневой системе отношений этих единиц, т. е. устройство имманентного типа (хотя и с „генетическими” и потенциальными связями социального характера), но обусловленность речевой системы экстралингвистическими факторами, в том числе целями и задачами говорящих в их речевой деятельности, определяемые не только субъективными (индивидуальными) интенциями, а назначением в социуме тех или иных видов деятельности и соотносительных с ними сфер общения. Именно они направляют в соответствующее „русло” процесс речевой деятельности, принципы выбора и организации речи, детерминируют тем самым системность речи и ее продуктов – текстов. (Последние могут рассматриваться как актуализация процесса речевой деятельности и типологически, как типы текстов). Эту именно речевую, текстовую системность, свойственную тем или иным видам речи и сферам общения, вряд ли можно представить как лишь перестройку единиц языковой системы, как переключение ее в другой регистр (термин Хэллдея) или режим работы (Б.Н. Головин). Это не вполне точная аналогия, поскольку в данном случае „работает” все та же „конечная” система с тем же набором и соотношением единиц (компонентов) и их порядком.

8 См. Кожина (1972, 1993: 51-58).

Речевая же деятельность и речевое общение человека происходят не только во взаимодействии друг с другом (реализуя свои цели и интенции), но и во взаимодействии с внешним миром, с предметами и явлениями действительности; они протекают в разных сферах, имеющих свое назначение в жизни социума (например, сфера правовых отношений, политическая, эстетическая и т. д.). Именно эти (как и другие) экстралингвистические факторы определяют специфику разных типов речи, принципы их системной организации на текстовой плоскости⁹.

В связи со сказанным не вполне корректным представляется употребление терминов *подъязык*, *субъязык* применительно к тем или иным типам речи, функциональным стилям, специфика которых не ограничивается изменениями состава и соотношения языковых единиц (и даже их частотностью), т. е. кодовыми характеристиками, но характеризуется особыми принципами их организации, сопровождаемыми собственно речевыми „прибавками”.

В этом же плане – если не размыкать понятие системы языка – требует, вероятно, корректировки положение об языке как системе систем. По-видимому, применительно к языку точнее говорить о системе подсистем, а применительно к речи – о совокупности речевых систем. Именно речь многообразна и бесконечна, она в принципе не поддается единому критерию ее систематизации и действительно существует в многообразии речевых образований (типов речевых систем), тогда как языковая система конечна и построена по единому принципу. Если же понимать термин „язык” в широком смысле, то он включает в себя понятие „системы языка” и речи как речевой деятельности и общения.

Речь, реализуя единицы языка (фонемы, морфемы, слова и предложения) вместе с тем располагает и своими собственными речевыми единицами: такими, как высказывание, речевой акт, речевой жанр, целостный текст и др.

Таким образом, объектом речеведения выступает говорящий человек в процессах (и результате) его речевой деятельности и общения в социокультурной среде. При этом предметом речеведения (речеведческого аспекта лингвистики) является речевая деятельность и общение, рассматриваемые с точки зрения взаимодействия коммуникантов во

9 Конкретному анализу текстов в этом плане посвящена обширная литература в области функциональной стилистики, в том числе стилистики текста. См.: Виноградов В.В. (1963), Одинцов В.В. (1980), Васильева А.Н. (1976), Костомаров В.Г. (1971), Солганик Г.Я. (1981) и др.

внешней среде (т. е. во взаимодействии друг с другом и с предметами и явлениями окружающего мира), закономерности функционирования (использования языка говорящими) в разных сферах и ситуациях общения в широком экстралингвистическом контексте (а не лишь вербальном), т. е. под влиянием „экстралингвистических” факторов, и образующиеся при этом типы речи с их специфической системностью. Анализируются также речевые единицы, стиль и композиция высказывания, целого текста; нормы, правила поведения и речи говорящих.

* * *

Но, может быть, нет особой необходимости различать собственно языковой (системно-языковой) аспект строя языка¹⁰ и речеведческий? Что дает для лингвистики последний? Думается, что это различие целесообразно и разработка теории речеведения с применением ее в практическом анализе может оказаться эффективной. Один пример. Как известно, при обращении к исследованию записей живой обиходной разговорной речи выяснилось, что отличия ее от книжно-письменной литературной (КЛЯ) настолько значительны, что авторы этих исследований пришли к заключению квалифицировать первую как особую языковую систему и говорить **не** о разговорной речи (РР), но разговорном языке – РЯ. Вначале это вызвало недоумение. Исследователи, известные ученые, в частности Е.А. Земская и Е.Н. Ширяев, попытались достаточно убедительно аргументировать свою точку зрения, опираясь на признаки языковой системы¹¹. Однако все же вопрос остался не лишенным дискуссионности. „Подключение” к анализу проблемы речеведческих критериев показывает, что разговорную обиходную (неофициальную) речь все же правомерно считать (квалифицировать) явлением именно речевым, обусловленным комплексом экстралингвистических факторов.

Прибегнем далее к анализу цитируемых мнений ученых, выделяя ключевые слова приводимых определений РЯ.

Действительно, и принцип отбора информантов (их единство) „по **социально-образовательным признакам**”, в „**условиях неофициального общения**“ (Русист.: 122), и само определение понятия (“Разговорный язык

10 Тем более при учете аспекта функционирования его в вербальном контексте.

11 См., например: „Русистика сегодня...” (М., 1988) и другие более ранние работы названных авторов.

– это спонтанный язык, реализующийся в неофициальном общении при непосредственном участии говорящих”. – *Рус. яз.* Ороле, 1997: 16), и проявление РЯ, в отличие от КЛЯ, в разных условиях общения: неофициальности, неподготовленности, непосредственности общения собеседников (*Русист.*: 124), и преимущественная реализация его в устной форме (129), и то, что „РЯ... реализуется в специфическом типе коммуникации, для которого характерна связь вербальных средств с ситуацией общения“ (124); при этом велика роль невербальных средств (жест, мимика), а условия функционирования сближают РЯ с внутренней речью (124); для формирования РЯ характерны поправки, перебивы, „как свойство неподготовленной речи”) – 126; в отношении семантических особенностей построения высказывания и текста в РЯ можно говорить не только о чисто языковой специфике РЯ, но и об отраженной в явлениях языка специфике формирования и развития мысли при общении на РЯ, которая проявляется в трех тенденциях: к конкретности смысла, редуцированию смысла, к ассоциативному развитию текста (135); коммуникативно-прагматическое исследование РЯ обнаруживает связи между вербальными компонентами коммуникации и структурой коммуникативного акта – аспект, который „способствует адекватному описанию речевого поведения человека“ (147).

Как видим, определение РЯ происходит через понятийный аппарат речеведения (см. выделенные ключевые слова), что, очевидно, свидетельствует о правомерности квалификации описываемого объекта как речевого, все же скорее это – разговорная речь, чем явление языковой системы – разговорный язык.

Вообще в подобных случаях, по-видимому, можно говорить о разных уровнях культуры (степени обработанности речи), обусловленных именно условиями протекания речи, да и целями общения, т. е. факторами речеведческими. Ср. внутренняя речь – разговорная (особенно устно-разговорная обиходная), письменно-книжная, различия которых, вероятно, прежде всего детерминированы условиями, в которых они „протекают”: необходимостью или ненужностью (избыточностью) их „полноструктурности”, степени обработанности речи, иначе – культуры¹².

12 Действительно, в силу условий устно-бытового общения, его неофициальности, общей апперцепционной базы говорящих, неподготовленности при необходимости быстрых реакций, когда собеседники не успевают найти нужное слово, объяснимы фразы „дай, чем писать” (вместо – карандаш) и разного рода эллиптические конструкции. Здесь некогда, да и не нужно шлифовать свою речь под КЛЯ. Кстати, говоря об отличиях вторичных речевых жанров от

Если „строить” систему систем речевого континуума, то можно представить ее по градуальному принципу (степени речевой культуры) и в сфере РР, и в сфере книжно-письменной; при этом обнаружатся отнюдь не только три указанных, но и ряд других (множество) уровней речевой культуры. Ср. плодотворное в связи с этим понятие о типах внутринациональных речевых культур (Сиротинина О.Б. и Гольдин В.Е. 1993, 1996).

В целом же речевой континуум, кроме указанного принципа, очевидно, может быть систематизирован на подсистемы еще по трем: функционально-стилистическом, социо- и психолингвистическом.

Разрешение ряда спорных сейчас вопросов благополучно, как кажется, разрешается с позиций речеведения. Например, вопрос о текстовых единицах, или единицах речи (поскольку текст – это результат речевой деятельности). Кстати, тут сразу возникает вопрос: где, на уровне каких единиц происходит „переход” системы языка в речевую сферу? Очевидно, высшим уровнем языка является уровень синтаксических структур (моделей) предложения, именно его структурных схем, а конкретные предложения составляют прерогативу речи (речевой деятельности). Такая точка зрения (принцип воспроизводимости единиц) не нова, она высказывалась еще А.И. Смирницким, хотя и не стала вполне общепринятой¹³.

Известно образное выражение Э. Бенвениста: „... с предложением кончается область системы знаков и налицо область языка как средства общения, т. е. речи” (*Нов. в лингв.* М., 1965: 447).

Однако, строго говоря, к системе языка могут быть отнесены, исходя из его общих характеристик (как системы знаков) лишь именно структурные схемы предложений, а не конкретные предложения. Но конкретные предложения – это, собственно, уже не предложения, а высказывания, т. е. единицы речевые. Если же к системе языка относить и уровень текста, то, очевидно, терминологически точнее говорить о двух уровнях: уровне структур предложения и уровне высказываний. Именно так. Между тем в современной литературе достаточно широко распространены случаи синонимического, взаимозаменяемого употребления терминов

первичных, М. Бахтин как раз использует это понятие: “вторичные жанры... возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого культурного общения, преимущественно письменного...” (239). – Выделено нами. – М.К.

13 К сожалению, по причинам объема статьи, оставляем в стороне работы В.А. Звегинцева, Т. П. Ломтева и др.

„предложение” и „высказывание” либо двойственного именованя „предложение-высказывание”. Эта терминологическая нечеткость, конечно, нежелательна, тем более, что за ней скрывается нечеткость теоретических позиций, поскольку случаи явных высказываний называются предложениями.

Неоднократно по этому поводу высказывался М. Бахтин, считая представленную выше картину недопустимой. Он же разрабатывает и критерии различения предложения и высказывания. Автор пишет: „Отсутствие разработанной теории высказывания как единицы речевого общения приводит к нечеткому различению предложения и высказывания, а часто и к полному их смешению” (253). Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения М. Бахтин определяет, как известно, „сменой речевых субъектов” (249). „Предложение – это относительно законченная мысль в пределах речи одного говорящего” (252), оно в контексте языка „лишено способности определять ответ” (252), и вообще „лишено всех свойств высказывания” (253), „предложение как единица языка имеет грамматическую природу, грамматические границы” (253), а не смену субъектов речи, характерную для высказывания, которому свойственна обращенность к кому-либо и адресованность, предвосхищение ответа (275), поскольку „высказывание с самого начала строится с учетом ответных реакций” (275), оно воплощает замысел и цели говорящего (256), чего нет у предложения.

М. Бахтин подчеркивает, что когда забывают об этих различиях предложения и высказывания, то „искажают природу предложения” (253); „Очень многие лингвисты и лингвистические направления... находятся в плену такого смешения”, „высказывание может быть построено из одного предложения и из одного слова..., но от этого единица языка не превращается в единицу речи” (253).

Отмечая правомерность и неутраченную актуальность постановки М. Бахтиным вопроса о разграничении предложения и высказывания и о критериях определения последнего, обратим внимание, однако, на дискуссионное, как кажется, положение, касающееся объема высказывания (его верхней границы): от однословной реплики до больших произведений (науки, литературы) – 256. По сути тут речь идет о целостных текстах, но они, во-первых, уже никак не соотносимы с предложением (в том числе его структурной схемой), во-вторых, как правило, в них присутствуют, хотя и при одном авторе, „перебивы” его речи как бы другими лицами (персонажами, цитируемыми авторами,

вопросами от адресата¹⁴). Во всяком случае этот дискуссионный вопрос (как и вопрос о завершенности целостного текста) требует дальнейшего рассмотрения.

Далеко не до конца решенным, оставляющим большой простор для дальнейших исследований является вопрос о речевых жанрах – РЖ, выдвинутый еще в 20-е годы М. Бахтиным и более подробно изложенный им в 1952 – 53 гг. (Бахтин 1979).

Проблема РЖ в современной лингвистике (русистике) стала, пожалуй, одной из ведущих и не случайно, ей принадлежит будущее. По этой теме представлена обширная литература (Т.В. Шмелева, Т.В. Матвеева, М.Ю. Федосюк, В.В. Дементьев, В.Е. Гольдин, Н.В. Орлова, И.Г. Сибирякова, Я.Т. Рытникова и др. – См. обзор: Дементьев 1997). При этом лишь намечается решение некоторых, с ней связанных вопросов, например, о типологии РЖ, о соотношении РЖ и речевых актов. К тому же исследование РЖ осуществляется преимущественно на материалах разговорной обиходной речи (в том числе „зафиксированной” в художественной литературе) т. е. в русле коллоквиалистики, и это понятно, так как здесь „неподнятая целина”. Однако другие сферы речевого общения еще ждут исследователей. Все эти работы, представляя проблематику речеведения, отражают очередные задачи данного направления лингвистики. Кстати, коснемся вопроса определения (уточнения) самого понятия РЖ в соотношении его с понятием речевого акта.

Как известно, М. Бахтин определял жанры как „типические формы высказываний” (1979: 240), как „относительно устойчивые тематически, композиционные и стилистические типы высказываний” (242), т. е. представляющие собою единство тематического содержания, стиля, композиции в рамках целого высказывания, определяемое спецификой данной сферы общения. Причем „каждая сфера общения вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые и могут называться речевыми жанрами” (237).

М. Бахтин неоднократно замечает, что РЖ – это не форма языка, а типическая форма высказывания, что жанры соответствуют типическим ситуациям речевого общения, типическим темам и обладают своим стилем (“стиль входит как элемент в жанровое единство” – 242). Подчеркивая

¹⁴ См., например, главу о диалогичности научной речи в *Очерках истории научного стиля...* (1998).

органичную, неразрывную связь стиля с жанром, М. Бахтин соотносит последний с функциональными стилями. Отмечается также разнородность РЖ в устной и письменной речи (в том числе в отношении степени их стандартизованности, воспроизводимости).

Различая первичные и вторичные (собственно литературные) жанры, М. Бахтин в качестве РЖ называет и отдельное высказывание (реплику), и целое речевое произведение (роман, научный трактат). С точки зрения критериев определения РЖ это понятно, однако все же возникает сомнение: однозначные ли это единицы? Все же вторичные РЖ **существенно** отличаются от первичных по целому ряду параметров (в том числе характеру и степени стереотипичности, стилю и композиции), и поэтому встает вопрос о невозможности их объединения в пределах одного понятия. Вопрос этот требует специального, тщательного изучения.

Вместе с тем возникает и названная выше проблема: соотношения РЖ с речевыми актами – Ра, поставленная, в частности, А. Вежицкой.

Хотя понятие речевого акта, как говорит автор, „является понятием... никогда и нигде не определенным” (несмотря на богатую литературу, ему посвященную), оно вошло в обиход лингвистических исследований и свидетельствует как раз о повороте последних к „царству” речи, а „живая речь” слагается из „актов”, структура которых детерминирована непосредственно их прагматической функцией (Вежицка 1997: 99. – Разрядка наша. – М.К.). В результате анализа проблемы А. Вежицка приходит к мнению о возможности отождествления (взаимозамены) речевых актов с РЖ. Называя чрезвычайно плодотворной разработку вопроса М. Бахтиным речевых жанров, она особенно акцентирует вопрос о необходимости единой методологии исследования чрезвычайно разнородных речевых явлений (как РЖ, так и Ра). Автор затрагивает, естественно, не только прагма-семантический и стилистический аспекты анализируемого явления, но и количественную сторону (объема РЖ и Ра), – важную для нас в рамках данной статьи. Хотя те и другие определяются обычно как высказывания от однословных, однофразовых до целостных текстов (ср. приказ, приветствие, прощание, угроза и т.д., с одной стороны, до таких, как манифест, заявление, проповедь, исповедь, дискуссия и т.д., с другой стороны). Тем не менее Ра обычно ассоциируются с короткими высказываниями и изучаются учеными в этом своем качестве. Это отмечает и А. Вежицка: „привлекают внимание исследователей... высказывания очень короткие, в большинстве случаев однофразовые” (100).

По-видимому, если отвлечься от семантико-прагматического аспекта и предположить возможность рассмотрения РЖ и Ра с учетом других аспектов, то с чисто количественной стороны – объема единиц – Ра и РЖ все же удобнее рассматривать как разные явления. Р. акт – это (действие) отдельная реплика в диалоге, наделенная определенной иллокутивной силой и вызывающая, предполагающая определенный перлокутивный эффект. Это может быть и диалог – в смысле единства двух реплик собеседников (адресата и адресанта). Иначе говоря, это элементарная единица речи (одна из элементарных, если учесть высказывание).

Возможно, стоит терминологически „развести” единое в общем (с семантико-прагматической стороны) явление при рассмотрении его с количественной стороны – в аспекте единиц речи (элементарных – Ра и более сложных – РЖ)¹⁵. Но возможно, это тот случай, когда количество переходит в качество. Речевой же жанр – особенно если учесть вторичные РЖ – это более развернутое и сложное речевое построение, состоящее из нескольких речевых актов. Вторичные же РЖ могут быть представлены как множество (цепь) речевых актов с видоизменяющимися конкретными целями. М. Бахтин, отмечая существенность отличий вторичных жанров (сложных) от первичных (простых), подчеркивал, что первые „вбирают в себя и перерабатывают различные первичные речевые жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения” (239) – (разрядка наша. – М.К.). Отнюдь не претендуя на решение затронутого вопроса, мы хотим лишь подчеркнуть его сложность и нерешенность (несмотря на многочисленную литературу как по единицам текста в лингвистике текста, так и по речевым жанрам).

Мы назвали лишь некоторые задачи, требующие своего рассмотрения в русле речеведения. Можно отметить и другие. Например, целый комплекс сложных вопросов синхронно-диахронического плана (проблема критериев определения изменений во времени со статусом языковых, в отличие от речевых)¹⁶. А ведь именно этот аспект исследования языка (его

15 Правда, практически это осуществить трудно, поскольку эти понятия развивались в научном социуме хотя и почти параллельно, но самостоятельно, независимо в разных его „коллективах” (национальных сообществах) и оказались соотносительными. Впрочем, М. Бахтин, очевидно, критически относился к Ра, замечая, что “односторонняя ориентация на первичные жанры неизбежно приводит к вульгаризации всей проблемы” (239), имея в виду исследование речевых действий в русле бихевиоризма.

16 Тут вообще коренится самый трудный вопрос языкознания – о диалектике „перехода” языка в речь и обратно.

развития на относительно небольшом отрезке времени) становится все более актуальным, изучению которого будут посвящены труды в последующие десятилетия.

Много еще неисследованного и в указанной области теории и практики речевых жанров (выяснение наиболее полного списка РЖ, типология последних, определение специфики первичных и вторичных РЖ, своеобразие их функционирования в разных сферах, особенности их структуры, степень и характер их стереотипности). М. Бахтин подчеркивал также необходимость разработки истории РЖ – первичных и вторичных, „которые отражают изменения общественной жизни” („в каждую эпоху задают тон определенные жанры” – 243). Можно назвать и особенно актуальный в наше время вопрос о диалогизации монологических жанров; о различиях экспрессивности языка и речи¹⁷. В.Н. Телия, в частности, одной из актуальных задач называет „необходимость разработки коммуникативно-функциональных параметров экспрессивности, приводимой в действие субъектом речи” (Телия 1991: 31).

Следует продолжить изучение на более углубленном уровне и вопроса о диалогической природе речи (текста) в разных сферах общения, в частности проблему воздействия – взаимодействия коммуникантов (друг с другом и с внешней средой). Чрезвычайно перспективны в связи с этим идеи Т.М. Дридзе о необходимости создания „единой платформы для интеграции междисциплинарного научного знания”, опирающейся на понимание общения и текстовой деятельности как диалога, а не воздействия (Дридзе 1997).

Можно было бы назвать и ряд других задач и вопросов, требующих рассмотрения в речеведческом аспекте. Их множество. Кстати, такая сложная проблема, как вариативность языка, по-видимому, легче решается с речеведческих позиций.

Думается, что целенаправленное и комплексное рассмотрение их в рамках одного направления – пока же они „разбросаны” по разным научным отраслям – будет способствовать более эффективному их решению, снимет нежелательный терминологический параллелизм, не способствующий анализу и прояснению проблем, определит более четко частные предметы исследования новейших дисциплин и их границы. Конечно, это зависит не только от наименования рассматриваемого общего

17 Ср. мнение М. Бахтина: „Система языка обладает формами для выражения экспрессии, но сам язык и его значащие единицы – слово и предложение – нейтральны” (259).

аспекта исследований, хотя осознание необходимости более тесных коллективных (многоаспектных, междисциплинарных) поисков при изучении „смежных проблем” должно дать свои положительные результаты.

Литература¹⁸

- Аврорин В.А., 1975, *Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики)*, Ленинград.
- Арутюнова Н.Д., 1990, *Речь. – Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва.
- Ахманова О.С., Натан Л.Н., Полторацкий А.И., Фатющенко В.И., 1966, *О принципах и методах лингвистического исследования*, Москва.
- Баранов А.Г., 1993, *Функционально-прагматическая концепция текста*, Ростов-на-Дону.
- Бахтин М.М., 1979, *Проблема речевых жанров. – Эстетика словесного творчества*, Москва.
- Бенвенист Э., 1974, *Общая лингвистика*, Москва.
- Бондарко А.В., 1984, *Функциональная грамматика*, Ленинград.
- Васильева А.Н., 1976, *Курс лекций по стилистике русского языка: общие понятия стилистики, разговорный стиль речи*, Москва.
- Васильева А.Н., 1976, *Курс лекций по стилистике русского языка: Научный стиль речи*, Москва.
- Вежибicka А., 1997, *Речевые жанры. – Жанры речи*, Саратов.
- Виноградов В.В., 1963, *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*, Москва.
- Винокур Г.О., 1959, *О задачах истории языка. – Избранные работы по русскому языку*, Москва.
- Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., 1993, *Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие. – Вопросы стилистики*, вып. 25, Саратов.
- Дементьев В.В., 1997, *Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике. – Вопросы языкознания*, № 1, Москва.
- Дридзе Т.М., 1997, *Социальная коммуникация и культура в эко-антропоцентрической парадигме. – В контексте конфликтологии...*, вып. 1, Москва.
- Звегинцев В.А., 1976, *Предложение и его отношение к языку и речи*, Москва.
- Звегинцев В.А., 1982, *Социальное и лингвистическое в социолингвистике. – Изв. АН СССР, сер. лит. и языка*, № 3, Москва.

18 В этот список (ради краткости) не включены работы, полные названия которых представлены на страницах 6 и 7 данной статьи.

- Земская Е.А., Шмелев Е.Н., 1988, *Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования*. – *Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование*, Москва.
- Кожина М.Н., 1966, *О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики*, Пермь.
- Кожина М.Н., 1968, *К основаниям функциональной стилистики*, Пермь.
- Кожина М.Н., 1970, *О речеведческом аспекте лингвистических исследований и речевой системности функционального стиля*. – *Исследования по стилистике*. вып. 2, Пермь.
- Кожина М.Н., 1993, *Стилистика русского языка*, Москва.
- Костомаров В.Г., 1971, *Русский язык на газетной полосе*, Москва.
- Костомаров В.Г., 1970, *Тезисы возможной концепции функциональных стилей*. – *Из опыта преподавания русского языка нерусским*, вып. 5, Москва.
- Кибрик А.Е., 1990, *Язык*. – *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва.
- Одинцов В.В., 1980, *Стилистика текста*, Москва.
- Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв., т. II, Стилистика научного текста (общие параметры)*, ч. 2, *Категории научного текста: функционально-стилистический аспект*, 1988, Пермь.
- Почепцов Г.Г. мл., 1975, *О некоторых вопросах лингвистики общения*. – *Структурная и математическая лингвистика*, № 3, Киев.
- Проблемы современной стилистики*, Сб. ИНИОН, 1989: 9 и 135, Москва.
- Сиротинина О.Б., 1996, *Человек и его язык*. – *Вопросы стилистики*, вып. 26, Саратов.
- Слюсарева Н.А., 1963, *Смысл как экстралингвистическое явление*. – *Как подготовить интересный урок иностранного языка*, Москва.
- Солганик Г.Я., 1981, *Лексика газеты*, Москва.
- Соссюр Ф., 1990, *Заметки по общей лингвистике*, Москва.
- Соссюр Ф., 1933, *Курс общей лингвистики*, Москва.
- Телия В.Н., 1991, *Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц*. – *Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности*, Москва.
- Холодович А.А., 1979, *О типологии речи*. – *Проблемы грамматической теории*, Москва.
- Шведова Н.Ю., 1960, *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*, Москва.
- Швейцер А.Д., 1991, *Проблемы контрастивной стилистики (к сопоставительному анализу функциональных стилей)*. – *Вопросы языкознания*, № 4, Москва.
- Ширяев Е.Н., 1997, *Общие процессы в развитии русского языка в 1945 – 1995 гг.* – *Русский язык*, Орле.
- Шмелева Т.В., 1996, *Речеведение. Теоретические и прикладные аспекты (Материалы для обсуждения)*, Новгород.

Шмелева Т.В., 1997, *Речеведение: в поисках теории.* – Stylistyka, VI.

The Speech Studies of the Language Theory

The article substantiates with the necessity of definition of speech studies (the linguistics of speech) as a special and **independent** aspect (trend) of linguistics, which adds the study of the language system. The **subject** of speech studies is the functioning of language in sociocultural context (not only a verbal one), the objective regularities of its usage by speakers; a specific **speech** system and its units (statement, speech act, and speech genre).